

Мас. 1542

«ЧАЙКА».

II.

«Чайка» дает исполнителю задачу очень трудную, но в такой же мере и благодарную. Впрочем, благодарную — не совсем в том смысле, в каком привыкли употреблять это слово у нас за кулисами. Роли в «Чайке» — т. е. таких, где актер дает от себя очень немного, а эффект в зрительной зале получается все-таки большой, — в пьесе Антона Чехова почти нет. Ни завышенных монологов, ни сногсшибательных «концов», специально рассчитанных «под завал», ничего резко-драматического или резко-комического. Актеру рутинных приемов, который только и поровнито, как-бы вытащить из своего старенького запаса и показать в тысячный раз два-три театральные побрякушки поэффективнее, — чеховские роли вообще, а особенно в «Чайке», совсем не по плечу и очень не по вкусу. Да и исполнители с искренностью, с большим «нутром», но с малою издумчивостью и вкусом, должны чувствовать себя в «Чайке» далеко не уютно, и в душе, что никогда «Чайка» не сдвигается любимицею гг. артистов, вот как сдвигались «Женитьба Блугина» или «Кашинская старина»... Но актер, которому дороже всего сценическое творчество, а не минутная вспышка натур, не скромный нервный подъем, который хочется и уметь быть на сцене художником, создавать с помощью авторского материала живые, полные глубины и содержания образы, «Чайка», любая из десяти ее составляющих ролей, дает широкий простор и предоставляет чрезвычайную самостоятельность. Чехову нужен не актер-раб, а артист-помощник, который, пропихивая авторские замыслы, пошел бы еще дальше по намеченному слонами и положенными роли пути и наложил тени на белые контуры.

Антон Чехов, пишет-ли он рассказ или драму, скуп на слова, чрезвычайно лаконичен. Сильный, уверенною рукою положенный штрих, мастерской выметки, но намек на самое существо, образа-ли, положения, или психологического момента — все равно, не рапускающийся в многословии объяснений и толкований, — вот его литературная манера. В «Чайке» он ввернул ей чуть-ли не больше, чем где-нибудь еще. Автор доверяет и силе своего штриха, и чутью своего читателя и не считает нужным длатать за него всю работу соображения и воображения. Самые существенные, важные моменты драмы у него ограничиваются двумя-тремя репликами, десятком слов, а иногда и просто короткою ремаркою. Вспомните последний

акт «Чайки». После потрясающего объяснения Зарячная уходит от Трелева. Треплев говорит несколько слов, как будто совсем не существенных и даже не в духе только что прошедшей предзрительной приподнятой сцены:

— Нехорошо, если ктонибудь встретит ее в саду и потом скажет нам. Это может огорчить маму.

И потом ремарка: «В продолжение 2-х минут молча рвет все свои рукописи и бросает под стол, потом отпирывает правую дверь и уходит», — уходить, чтобы уже не показаться больше на подмостках, не только сцены, но и жизни. Скоро из-за кулис раздастся выстрел. Юноша-неудачник покончит с собою... Видь, читатель «Чайки» недостаточно внимательный, чуткий и без воображения, говоря грубо — просто проморгает эту простенькую ремарку. А потом будет удивляться, — откуда взялось трелевское самоубийство? Чьим оно мотивировано? Треплев «Художественного» театра, г. Мейерхольд, вообще удачно справляющийся с ролью, прекрасно понял, какое великое значение в этой ремарке, давшей ему сцену, полную напряженного трагизма, — и зрительная зала замерла от ужаса. И уж вряд ли кто из бывших на спектакль спросил бы, почему застрелился этот болтливый, весь издерганный юноша, которого с детства гложет неутолимое самолюбие, которому хочется быть чьим-то, во всем у него не выходящим. Талант его мечется, стремится быть оригинальным, но творить либо уродливое, либо шаблонное. И когда окончательный разрыв с любимкою девушкою обостряет все прежнее горе, всю муку его существования, — бесплодные усилия непроизнесенного таланта выступают слишком отчетливо впереди. Нечем жить... Треплев рвет свои рукописи и тою же отчаянною рукою рвет нить своей ненужной жизни. Какая великая драма, — и какая простая, «ясная» драма. Надо было только по чеховским намекам глубоко поваль и пережить ее, чтобы зритель был потрясен.

Вот вам один пример. «Чайка» вся из таких примеров. Она больше, чем любое другое произведение для сцены, нуждается в помощи сцены, но тем, кто сумел эту помощь сказать, воздаст сцене.

За самыми немногочисленными исключениями, артисты «Художественного общедоступного» театра сумели сделать это. Несколько ролей проведены образцово, и персонажи пьесы жили на глазах у зрителя своею спутанною, безтолковою жизнью. Это были не театральные манекены, не психологические схемы и не величины какого-то морального уравнения, которое должно дать в ответ, говоря словами Треплева, «полезную в домаш-

нельзя обходить мораль, а люди, как они есть, во всей той сложности, которая для зоркого глаза — каждый из нас.

Таков прежде всего Трепленз, которого я считаю центральным лицом пьесы (хотя заглавие и указывает на Зарьчную чайку), наиболее интересным и, при кажущейся неясности, вполне понятным, в которого, опять театролю, прекрасно играет г. Мейерхольд. Антерь это немного сухой, и минутами хотелось бы побольше нервности и задумчивости, чтобы сильнее звучали его больные, неформально натянутые струны. Но это — недочет немногих лишь сцен, он не мешает артисту производить в большинстве сцен впечатление громадное, а главное — не мешает ему дать законченный и яркий образ. Только одна сцена оставляет желать многого — объяснение с Зарьчною в финальном акте. Слишком вяло она идет, и тихо, и медленно. Но вина в этом — на г-же Роксаповой чайке, которая, вообще, советски не справилась с ролью, не нашла на нужный тон, так здесь важный, — и потому все время раздражающе звучала

фальшь. В Зарьчной глубоко залегла грусть, и самая ее восторженность, ее экстаз, приводящая к пошлостям роману с знаменитым писателем — к катастрофе — в яркой окраске такой грусти. Это — основное настроение роли, которое в тон и всей драме. Без него «чайка» лишается всего своего обаяния. А она не должна быть обаятельна, эта поэтичная, хрупкая «дівушка с озера»! Г-жа Роксапова не дала почувствовать это настроение, в начальных актах подблизилась к правде, в последние колебалась между слезливостью мелодрамы и патологическими ухищрениями, вроде недавно показанных ею в «Грете», — и «чайка» почти выпала из пьесы. Не будь этого пробела, исполнение «Художественно-общедоступного» театра можно бы назвать по праву образцовым.

(Окончание завтра). —Ф—

Статья...

(Н.С. Эрос)

((
3
С
3
3
3